

Принцесса Адрианна — дочь короля одной из стран Ближнего Востока. Ее мать — американская кинозвезда Фиби Спринг — оставила блестящую карьеру, став супругой короля Абду, плененного ее красотой. Однако вместо долгожданного сына Фиби родила ему дочь... Тогда он взял вторую жену, вскоре родившую ему наследника, а жизнь Фиби превратилась в ад. Однажды Фиби с восьмилетней Адрианной удалось бежать. Принцесса вырастет и отомстит отцу... Она станет Тенью, за которой будут охотиться сотрудники Интерпола. Один из них, Филип Чемберлен, должен ее поймать, но любовь заставит его поступить иначе...

Когда он вернулся, она спала.

Он смотрел на Адрианну, которая лежала на диване, свернувшись калачиком, подложив одну ладонь под щеку, а вторую руку вытянув вдоль тела. Волосы упали ей на лицо, и, когда он отвел их в сторону, ее дыхание осталось таким же медленным и ровным. Сейчас она не выглядела ни царственной, ни безучастной. Она была юной и беззащитной. Он знал, что должен ее разбудить и засыпать вопросами сейчас, пока усталость не позволяет ей выстроить адекватную линию защиты. Вместо этого он выключил свет и оставил ее в покое.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4100-8

9 786171 241008

НОРА РОБЕРТС

ЖЕНСКАЯ МЕСТЬ

НОРА
РОБЕРТС

ЖЕНСКАЯ
МЕСТЬ

NORA
ROBERTS

Sweet
Revenge

A Novel

НОРА РОБЕРТС

Женская МЕСТЬ

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
P58

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии “Bantam Books”,
an imprint of “Random House”,
a division of “Penguin Random House LLC”

Переведено по изданию:

Roberts N. Sweet Revenge : A Novel / Nora Roberts. —
New York : Bantam Books, 1989. — 378 p.

Перевод с английского *Елены Боровой*

Дизайнер обложки *Ирина Зеленько*

ISBN 978-617-12-4100-8
ISBN 978-0-553-38641-7 (англ.)

- © Nora Roberts, 1988
- © Shutterstock.com / BortN66, обложка, 2017
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

Посвящается Каролин Николс
с благодарностью за ее поддержку и дружбу

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Горечь

Женщины — это твои поля.
Ходи по своим полям, как тебе заблагорассудится.

Коран

Он был ее мужчиной, но он ее обидел.

Фрэнки и Джонни

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нью-Йорк, 1989

Стюарт Спенсер ненавидел свой гостиничный номер всей душой. Единственным преимуществом его пребывания в Нью-Йорке было то, что жена осталась в Лондоне и не имела возможности его преследовать, требуя соблюдать диету. Он заказал в номер клубный бутерброд¹ и теперь не спеша наслаждался его вкусом.

Он был плотного сложения лысоватым мужчиной, лишенным благодушного нрава, обычно свойственного людям с подобной внешностью. Его мучили водянка на пятке и хронический насморк. Проглотив полчашки чая, он с характерным для британцев шовинизмом раздраженно подумал, что американцы при всем своем желании просто не в состоянии заварить приличный чай.

Он мечтал о горячей ванне, чашке хорошего чая с бергамотом и чае тишины, но опасался, что взвинченный человек, который стоит у окна, заставит его отложить все эти радости... возможно, на неопределенное время.

— Итак, я здесь, черт подери.

Он угрюмо посмотрел на Филипа Чемберлена, который в это мгновение отдернул штору и уставился на стену здания напротив.

— Чудесный вид, — прокомментировал он. — Благодаря ему этот номер кажется еще уютнее.

— Филип, я вынужден тебе напомнить, что терпеть не могу летать через Атлантику зимой. Более того, в Лондоне меня ожидает настоящий завал с документами, образовавшийся по большей части из-за тебя и твоих странных методов работы. Так что если у тебя имеется какая-то информация, я попрошу тебя предоставить ее мне. И немедленно, если тебя это не затруднит.

---

¹ Бутерброд с мясом, помидорами, салатом, майонезом. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Филип продолжал смотреть в окно. Его беспокоил возможный исход этой неофициальной встречи, инициатором которой стал он сам, но наблюдая, как непринужденно он держится, было невозможно даже заподозрить, насколько он на самом деле напряжен.

— Стюарт, пока ты здесь, я просто обязан сводить тебя на какое-нибудь шоу, — произнес он. — На мюзикл. С возрастом ты становишься все мрачнее и ворчливее.

— Ближе к делу.

Филип отпустил край шторы и подошел к человеку, перед которым отчитывался на протяжении нескольких последних лет. Он двигался с уверенностью и изяществом, необходимыми ему по роду занятий. В тридцать пять лет у него за плечами была уже четверть века профессиональной деятельности. Он родился в лондонских трущобах, но ему с юного возраста удавалось добывать приглашения на лучшие светские вечеринки, что было изрядным достижением прежде, чем косная классовая структура британского общества рухнула под натиском модов¹ и рокеров. Он знал, что такое быть голодным, точно так же, как знал, что такое наесться до отвала белуги. Поскольку он любил икру, он позаботился о том, чтобы его образ жизни позволял ему не отказывать себе в этом лакомстве. Он хорошо, даже очень хорошо знал свое дело, но успех дался ему нелегко.

— Стюарт, у меня есть для тебя гипотетическое предложение. — Филип расположился в кресле и налил себе чаю. — Позволь поинтересоваться, был ли я тебе полезен на протяжении последних нескольких лет.

Спенсер откусил от бутерброда и подумал, что эта еда в сочетании с Филипом могут довести его до несварения желудка.

— Ты намекаешь на повышение оклада?

— Неплохая идея, но сейчас я не об этом. — Когда ему было необходимо, Филип умел одарить собеседника совершенно очаровательной улыбкой, чем искусно пользовался. И сейчас он решил к ней прибегнуть. — Вопрос заключается в следующем: оправдало ли себя решение принять на работу в Интерпол вора?

Спенсер шмыгнул носом, вытащил из кармана носовой платок и высморкался.

---

¹ Моды (англ. *Mods ot Modernism, Modism*) — британская молодежная субкультура, сформировавшаяся в конце 1950-х гг. и достигшая пика в середине 1960-х гг. У модов был типично английский девиз по жизни — «умеренность и аккуратность».

— Временами ты был полезен.

Филип отметил, что на этот раз он не употребил перед словом «вор» определение «бывший». Но поскольку Стюарт не исправил это упущение, он не знал, заметил ли это также и его собеседник.

— В последнее время комплименты из тебя приходится тянуть клещами, — хмыкнул он.

— Филип, я здесь не для того, чтобы тебе льстить, а лишь для того, чтобы понять, какого черта ты решил, что меня стоит вызвать в Нью-Йорк посреди этой проклятой зимы.

— Возможно, ты захочешь иметь двоих?

— Двоих кого?

— Воров, Стюарт. — Он протянул ему треугольник клубного сэндвича. — Я бы рекомендовал тебе вот эту штуку на цельнозерновом хлебе.

— Что ты хочешь этим сказать?

От нескольких следующих минут зависело очень многое, но Филип давно привык к тому, что его будущее и даже жизнь почти всегда зависят от действий, совершаемых за считанные секунды. Прежде он был вором, и к тому же великолепным. Капитан Стюарт Спенсер и подобные ему люди шли по его следу от Лондона до Парижа, от Парижа до Марокко и от Марокко туда, где его поджидала очередная цель. Затем он совершил разворот на сто восемьдесят градусов и вместо того, чтобы бегать от Спенсера и Интерпола, начал работать на них.

Филип напомнил себе о том, что это было вполне деловое решение, которое он принял, взвесив все за и против, а также потери и дивиденды. То, что он собирался предложить сейчас, было глубоко личным.

— Что, если мы предположим, что мне известно об одном необыкновенно ловком воре, который уже целое десятилетие водит Интерпол за нос и который решил удалиться на покой и готов предложить свои услуги в обмен на помилование.

— Ты говоришь о Тени.

Филип тщательно стряхнул крошки с кончиков пальцев. Он был очень аккуратным человеком, как того требовали его характер и профессиональная необходимость.

— Гипотетически.

Тень. Спенсер забыл о мучающих его водянке и синдроме смены часовых поясов. Безликая фигура, известная только как Тень, украла драгоценности на миллионы долларов. Десять лет Спенсер безуспешно охотился на таинственного вора и каждый раз терпел неудачу. В последние полтора года Интерпол удвоил свои усилия, пойдя на то, что-

бы пустить вора по следу вора. Этим вором стал Филип Чемберлен, единственный человек, которому, по мнению Спенсера, уступал Тень. При мысли о том, как он доверял Филипу, Спенсера охватила ярость.

— Ты знаешь, кто он, черт побери. Ты уже давно знаешь, кто он и где его найти. — Стюарт сжал лежащие на столе ладони в кулаки. — Десять лет. Десять лет мы пытаемся его поймать. Черт возьми, мы уже много месяцев платим тебе зарплату за то, чтобы ты его нашел. И все это время ты водишь нас за нос. Тебе с самого начала были известны его имя и местонахождение!

— Может, да, — Филип развел руками с тонкими музыкальными пальцами. — А может, и нет.

— Мне хочется запереть тебя в клетку, а ключ бросить в Темзу.

— Ты этого не сделаешь, потому что я тебе как сын, которого у тебя никогда не было.

— У меня есть сын, черт бы тебя побрал!

— Не такой, как я. — Откинувшись на спинку стула, Филип продолжал: — То, что я тебе предлагаю, очень похоже на тот договор, который мы с тобой заключили пять лет назад. Тогда ты считал, что нанять самого лучшего специалиста гораздо выгоднее, чем за ним гоняться.

— Тебе поручили поймать этого типа, а не вести от его имени переговоры. Если у тебя есть имя, дай его мне. Если у тебя есть описание, дай мне описание. Мне нужны факты, Филип, а не гипотетические предложения.

— У тебя ничего нет, — неожиданно произнес Филип. — Десять лет не дали тебе ничего. И если я сейчас встану и уйду, ты так и останешься ни с чем.

— У меня будешь ты. — Холодный и уверенный голос Спенсера заставил Филипа вопросительно прищуриться. — Человеку с твоими привычками в тюрьме очень не понравится.

— Ты мне угрожаешь?

По спине Филипа пробежал холодок — мимолетный, но очень реальный. Он сложил ладони, глядя прямо перед собой, убеждая себя в том, что Спенсер блефует. Сам Филип не блефовал.

— Если ты не забыл, я помилован. Таков был договор.

— Ты сам поменял правила. Дай мне его имя, Филип, и позволь мне выполнить мою работу.

— Стюарт, ты мыслишь слишком мелко. Вот почему ты вернул лишь несколько бриллиантов, а я много. Если ты посадишь Тень в тюрьму, ты получишь всего лишь вора в тюрьме. Неужели ты считаешь, что

тебе удастся вернуть хоть малую часть того, что было украдено за последнее десятилетие?

— Это вопрос справедливости.

— Да.

Спенсер отметил, что тон Филипа изменился. К тому же он впервые за весь разговор опустил глаза. Но не от стыда. Спенсер знал Филипа слишком хорошо, чтобы хоть на секунду допустить, что он пришел в замешательство.

— Это вопрос справедливости, и мы к этому вернемся. — Филип снова поднялся на ноги. Ему не сиделось. — Когда ты поручил мне это дело, я взялся за него потому, что меня очень интересовал именно этот вор. Это не изменилось. Более того, можно сказать, что мой интерес значительно вырос.

Он не хотел давить на Спенсера слишком сильно. Хотя за годы совместной работы они пусть и неохотно, но начали восхищаться друг другом, он знал, что от своих принципов Спенсер не отступит.

— Давай предположим, что мне действительно известна личность Тени. Давай предположим, что я с ним беседовал и это заставило меня поверить в то, что ты мог бы использовать таланты этого человека и они могут быть предоставлены тебе в обмен на такую малость, как отпущение грехов.

— Такую *малость*? Да этот мерзавец украл больше, чем ты.

Брови Филипа взлетели вверх. Слегка нахмурившись, он смахнул с рукава хлебную крошку.

— Я сомневаюсь, что оскорблять меня так уж необходимо. Никто не украл больше бриллиантов, в пересчете на их суммарную стоимость, чем это сделал за свою карьеру я.

— Ах, оказывается, ты этим гордишься? — Лицо Спенсера пугающе побагровело. — Я бы не стал хвастаться жизнью вора.

— В этом и заключается главное различие между нами.

— Забираться в окна, проворачивать темные делишки в глухих переулках...

— Прошу тебя, не надо, а то я сейчас заплачу. Нет, Стюарт, лучше сосчитай до десяти. Я не хочу нести ответственность за опасный скачок твоего давления. — Он снова поднял заварочный чайник. — Возможно, настало время признаться, что пока я взламывал замки, я тебя зауважал. Возможно, я все еще занимался бы своим ремеслом, если бы с каждым провернутым делом ты не подбирался все ближе. Я сожалею о своей прошлой жизни не больше, чем о переходе на сторону полиции.

Стюарт успокоился достаточно для того, чтобы залпом выпить чай, который налил ему Филип.

— Это не имеет вообще никакого отношения к делу. — Впрочем, он не мог отрицать того, что признание Филипа ему польстило. — Хочу тебе напомнить, что сейчас ты работаешь на меня.

— Я помню. — Он повернул голову и посмотрел в окно. Морозный ясный день заставлял его тосковать по весне. — Ну, так я продолжу, — произнес он, снова оборачиваясь к Стюарту и встречаясь с ним взглядом. — Будучи твоим сотрудником и защищая твои интересы, я считаю своим долгом привлечь к работе на тебя другого человека, если он кажется мне перспективным.

— Вора.

— Да, и к тому же превосходного. — На его лице снова расцвела улыбка. — А кроме того, я готов побиться об заклад, что ни твоя организация, ни какое-либо иное правоохранительное агентство никогда не догадается об истинной личности этого вора. — Мгновенно поседев, он наклонился вперед. — Ни сейчас, ни в будущем. Никогда, Стюарт, можешь мне поверить.

— Он продолжит совершать кражи.

— Краж больше не будет.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

Филип снова сжал ладони. На безымянном пальце тускло блеснуло обручальное кольцо.

— Я лично об этом позабочусь.

— Кто он тебе?

— Это сложно объяснить. Послушай меня, Стюарт. Я пять лет работал на тебя и рядом с тобой. Зачастую эта работа была грязной. Еще чаще она была грязной *и* опасной. Я никогда ни о чем тебя не просил. Но сейчас я прошу у тебя помилования для моего гипотетического вора.

— Как я могу гарантировать...

— Твое слово — это уже достаточная гарантия, — перебил его Филип и добавил: — В благодарность я верну тебе Рубенса. Более того, я уверен в том, что смогу предоставить тебе нечто, что обладает достаточным политическим весом и поможет разрядить некую весьма напряженную ситуацию.

Спенсеру было нетрудно сложить два плюс два.

— На Ближнем Востоке?

Опорожнив свою чашку, Филип пожал плечами.

— Предположительно. — Независимо от исхода разговора, он намеревался привести Стюарта к Рубенсу и к Абду. Тем не менее он никогда не раскрывал карты раньше времени. — Можно сказать, что с помощью той информации, которую я тебе предоставлю, Англия сможет оказать давление там, где это ей особенно необходимо.

Стюарт пристально посмотрел на Филипа. Совершенно неожиданно их разговор вышел за рамки обсуждения бриллиантов и рубинов, преступлений и наказаний.

— Филип, это не входит в твои обязанности и очень опасно.

— Я ценю твою заботу. — Он снова сел на стул и откинулся на спинку. Похоже, ветер начинал меняться. — Поверь, я отлично знаю, что делаю.

— Ты ведешь очень тонкую игру.

«Самую тонкую из всех возможных, — подумал Филип. — И самую важную».

— И мы оба можем в ней выиграть, Стюарт.

Слегка посопев, Спенсер встал, чтобы открыть бутылку виски. Напив себе щедрую порцию напитка, он немного поколебался и наполнил второй бокал.

— Скажи мне, что ты знаешь, Филип. Я сделаю то, что будет от меня зависеть.

Филип помолчал, тщательно подбирая слова.

— Я доверяю тебе то единственное, что имеет для меня значение. Не забывай об этом, Стюарт. — Он отодвинул чай и принял предложенный ему бокал. — Я увидел Рубенса, находясь в сокровищнице Абду — короля Джакира.

Обычно невозмутимые глаза Спенсера широко раскрылись.

— Но какого черта ты делал в королевском хранилище?

— Это длинная история. — Филип приподнял бокал и залпом выпил виски. — Начну, пожалуй, с самого начала, с Фиби Спринг.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Джакир, 1968 год

Свернувшись калачиком, Адрианна наблюдала за тем, как стрелки часов приближаются к полуночи. От волнения ей не удавалось уснуть. Ее день рождения. Ей исполнится пять лет. Перевернувшись на спину, она восторженно обхватила себя ручонками. Дворец был погружен в глубокий сон, но через несколько часов встанет солнце и му-

эдзин поднимется по ступенькам мечети, чтобы призвать правоверных на молитву. И тогда по-настоящему начнется день, самый замечательный день ее жизни.

Днем будет музыка, подарки и блюда с шоколадом. Все женщины наденут свою самую красивую одежду, и будут танцы. Придут все. Бабушка будет рассказывать ей истории. Тетя Латифа, которая всегда улыбается и никогда ее не ругает, приведет Дуджу. Фавел, которая так заливисто хохочет, тоже придет с детишками. Адрианна улыбнулась. Женская половина будет звенеть от смеха, и все будут говорить ей, какая она хорошенькая.

Мама пообещала ей, что это будет совершенно необычный день. Ее особенный день. С позволения отца днем они пойдут на пляж. У нее есть новое платье, очень красивое, из полосатого шелка всех цветов радуги. Прикусив губу, Адрианна повернула голову и посмотрела на мать.

Фиби спала, и в лунном свете ее лицо казалось мраморным и наконец-то спокойным. Адрианна обожала спать в этой огромной мягкой кровати, хотя это позволялось ей очень редко. Это было настоящим подарком. Она прижималась к матери, а Фиби обнимала ее обеими руками и рассказывала о таких местах, как Нью-Йорк и Париж. Иногда они вместе хохотали.

Осторожно, чтобы не разбудить мать, Адрианна протянула руку и погладила ее волосы, которые так ее завораживали. Разметавшись по подушке, они напоминали огонь, роскошное, жаркое пламя. В свои пять лет Адрианна уже чувствовала себя маленькой женщиной и завидовала волосам матери. Ее собственные волосы были густыми и черными, как у всех остальных женщин Джакира. Только у Фиби были рыжие волосы и белая кожа. Только Фиби была американкой. Адрианна была наполовину американкой, но Фиби напоминала ей об этом, только когда они оставались одни.

Такие разговоры вызывали гнев ее отца.

Адрианна научилась избегать тем, способных разгневать отца, хотя она и не понимала, почему при напоминании о том, что Фиби американка, его взгляд становился жестким, а губы сжимались в тонкую линию.

Мама была кинозвездой. Адрианна не понимала, что это означает, но ей нравилось, как это звучит. *Кинозвезда*. Когда она слышала это слово, ей представлялись красивые огни в темном небе.

Раньше ее мать была звездой, но теперь она была королевой, первой женой Абду ибн Файзала Рахмана аль-Джакира, правителя Джакира, шейха шейхов. Ее мать, обладательница больших синих глаз

и мягких полных губ, была красивейшей из женщин. Она возвышалась над другими женщинами в гареме, и в ее присутствии они напоминали мелких суетливых птиц.

Адрианне лишь хотелось, чтобы ее мама была счастлива. Она отчаянно надеялась на то, что теперь, когда ей исполнилось пять лет, она сможет понять, почему ее мать так часто грустит и плачет, думая, что ее никто не видит.

В Джакире женщин было принято ограждать от всего. Те, кто принадлежал к королевскому дому Джакира, не должны были работать или хоть о чем-то волноваться. Им давали все, в чем они нуждались, — чудесные комнаты, сладчайшие духи. У ее матери была красивая одежда и драгоценности. У нее было «Солнце и Луна».

Адрианна закрыла глаза, пытаясь себе представить на шее матери ослепительной красоты ожерелье — сверкающий бриллиант «Солнце» и мерцающую бесценную жемчужину «Луну». Фиби пообещала, что когда-нибудь их будет носить Адрианна.

Когда она вырастет. Уютно прижавшись к боку матери, убаюкиваемая ее ровным дыханием и мыслями о завтрашнем дне, Адрианна представляла себе, как она вырастет, превратится из девочки в женщину и будет носить никаб. Когда-нибудь ей выберут мужа и она вступит в брак. В день свадьбы на ней будет «Солнце и Луна», и она станет хорошей и плодотворной женой.

Она будет устраивать вечеринки для других женщин и подавать им покрытые глазурью пирожные, а слуги будут обносить их подносами с шоколадом. Ее муж будет красивым и могущественным, как ее отец. Возможно, он тоже будет королем и будет ценить ее превыше всего.

Погружаясь в сон, Адрианна наматывала на средний палец прядь своих длинных волос. Муж будет любить ее так, как она хотела, чтобы ее любил отец. Она подарит ему замечательных сыновей, много замечательных сыновей, и другие женщины станут смотреть на нее с завистью и уважением, а не с жалостью. Они не будут жалеть ее так, как жалеют ее мать.

Неожиданно ее разбудил свет, проникший в комнату из коридора. Дверь приоткрылась, впустив в комнату косой луч, тут же превратившийся в жирную полосу, рассекающую спальню на две части. Сквозь прозрачный полог, окутывающий кровать подобно кокону, она увидела тень.

Сначала она ощутила любовь, отчаянный прилив, который она легко узнавала, но в силу малолетства не понимала. Затем нахлынул

страх, который следовал по пятам за любовью всякий раз, когда она видела отца.

Она знала, что он рассердится, увидев ее в кровати матери. В гаре сплетничали, не стесняясь в выражениях, и она знала, что после того, как врачи сказали, что у Фиби больше не будет детей, отец приходит к ней очень редко. Адрианна подумала, что, возможно, он хочет только посмотреть на Фиби, потому что она такая красивая. Но когда он подошел ближе, страх комом поднялся к ее горлу. Она стремительно и бесшумно выскользнула из кровати и присела на корточки в густой тени за ней.

Абду, не сводя глаз с Фиби, отдернул полог. Он не позаботился о том, чтобы закрыть дверь. Никто не осмелился бы его побеспокоить.

Лунный свет озарял ее волосы, ее лицо. Она выглядела как богиня, как и тогда, когда он впервые ее увидел. Ее лицо заполнило экран своей удивительной красотой и яркой чувственностью. Фиби Спринг, американская актриса, женщина, которую мужчины желали и одновременно боялись из-за ее роскошного тела и невинных глаз. Абду был мужчиной, привыкшим к обладанию всем самым лучшим, самым большим, самым дорогим. Он возжелал ее так, как никогда не желал ни одну женщину. Он ее разыскал и начал ухаживать за ней так, как это нравилось западным женщинам. Он сделал ее своей королевой.

Она его околдовала. Из-за нее он предал свое происхождение, отрекся от традиций. Он взял в жены западную женщину, актрису, христианку. Его постигло наказание. В ней его семья произвело на свет лишь одного ребенка, к тому же это был ребенок женского пола.

И все же она пробуждала в нем желание. Ее лоно было бесплодным, но его манила ее красота. Даже после того, как его восхищение сменилось отвращением, он продолжал ее желать. Она его опозорила, запятнала его *шараф*¹, его честь, своим невежеством в отношении ислама, но его тело по-прежнему ее жаждало.

Глубоко погружая свой жезл в других женщин, он занимался любовью с Фиби, ощущал аромат кожи Фиби, слышал крики Фиби. В этом заключался его тайный позор. Он мог ненавидеть ее уже за одно это. Но он презирал ее за то, что она опозорила его публично, родив ему одну-единственную дочь.

---

¹ Шараф — честь, почет, слава, высший ранг, благородство, аристократизм (араб.).

Он хотел, чтобы она страдала, чтобы она за все заплатила, так же, как страдал и платил он. Он сдернул с нее простыню.

Фиби проснулась в полном смятении с испуганно бьющимся сердцем и увидела мужа, который стоял в полумраке над ее постелью. Вначале она подумала, что это сон, в котором он вернулся к ней, чтобы снова любить ее так, как когда-то любил. Затем она увидела его глаза и поняла, что это не сон и не любовь.

— Абду. — Она вспомнила о ребенке и быстро огляделась. Постель была пуста. Адрианна исчезла. Фиби возблагодарила за это Нибеса. — Уже поздно, — начала она, но ее горло так пересохло, что с губ сорвался лишь еле слышный шепот.

Пытаясь защититься, она уже начала пятиться от него, скользя по шуршащим под ней атласным простыням и одновременно сжимаясь в тугий комочек. Он ничего не ответил, а лишь молча сорвал с себя свою белую джалабию.

— Пожалуйста. — И хотя она понимала, что мольбы бесполезны, из глаз хлынули слезы. — Не делай этого.

— Женщина не имеет права отказывать мужу в том, чего он желает.

Лишь глядя на то, как дрожит на подушках ее роскошное тело, он вновь ощутил себя хозяином своей собственной судьбы. Кем бы она ни была прежде, теперь она была его собственностью и принадлежала ему так же, как перстни с драгоценными камнями и лошади в конюшнях. Он схватил ее за лиф ночной сорочки и подтащил к себе.

Скорчившаяся в тени кровати Адрианна начала дрожать.

Ее мать плакала. Они боролись и выкрикивали слова, которых она не понимала. Ее отец стоял обнаженный в тусклом лунном свете, и его темная кожа блестела, покрытая тонкой пленкой пота, причиной которого была похоть, а не жара. Она еще никогда не видела обнаженного мужчину, но это зрелище ее нисколько не испугало. Она знала, что такое секс, как и то, что мужской орган отца, который выглядел таким твердым и угрожающим, может быть погружен в ее мать для создания ребенка. Она знала, что это приятно и что женщины жаждут этого больше всего на свете. За свою юную жизнь она уже слышала это не меньше тысячи раз, потому что в гареме только и делали, что говорили о сексе.

Но ее мать больше не могла иметь детей, и если это так приятно, почему же она плачет и умоляет его оставить ее в покое?

Женщина должна с радостью встречать мужа, явившегося на свое супружеское ложе, подумала Адрианна, и ее глаза наполнились сле-

зами. Она должна предлагать ему все, чего он пожелает. Она должна ликовать от того, что ее желают, что она может стать сосудом для его детей.

Она услышала слово *шлюха*. Оно было ей незнакомо, но в устах ее отца прозвучало очень мерзко, и она знала, что теперь его не забудет.

— Как ты можешь так меня называть? — голос пытающейся вырваться Фиби сорвался на рыдания. Когда-то его объятия доставляли ей наслаждение и она любовалась его мерцающей в лучах лунного света кожей. Теперь она ощущала только страх. — Я ни разу не была с другим мужчиной. У меня никого не было, кроме тебя. Это ты взял в жены другую женщину, даже после того, как у нас родился ребенок.

— Ты ничего мне не дала. — Он намотал на руку ее волосы, зачарованно и одновременно с отвращением глядя на их огненный блеск. — Дочь. Это хуже, чем ничего. Один ее вид напоминает мне о моем позоре.

И тут он ее ударил с такой силой, что ее голова запрокинулась назад. Даже если бы она была проворнее, бежать ей все равно было некуда. Его удар был таким сильным, что перед ней все поплыло. В приступе ярости и похоти он сорвал с нее ночную сорочку.

Она была сложена как богиня — предел мечтаний для любого мужчины. Ее полные груди подымались и опадали от тяжелого дыхания, а сердце бешено колотилось от ужаса. В лунном свете ее белая кожа сияла, и на ней уже отчетливо виднелись кровоподтеки от его пальцев. У нее были округлые бедра. Когда она была охвачена страстью, они умели двигаться стремительно, точно и бесстыдно, встречая каждый толчок мужчины. Желание мучительной болью сводило его внутренности. В своей жестокой борьбе они сбили со столика лампу, усевшую пол мелкими осколками.

Застыв от ужаса, Адрианна увидела, как он вонзил пальцы в полные белые груди Фиби. Ее мать сопротивлялась, умоляя ее пощадить. Мужчина имел право бить свою жену. Она не имела права отказывать ему в супружеской постели. Таков был закон. И все же... Адрианна крепко зажала уши ладонями, чтобы не слышать криков Фиби, когда он навалился на нее и начал с силой погружаться в нее снова и снова.

С мокрым от слез лицом Адрианна заползла под кровать. Она зажимала уши ладонями с такой силой, что это причиняло ей боль, но все равно слышала сопение отца и отчаянный плач матери. Кровать над ней тряслась и скрипела. Она свернулась в клубочек, пытаясь стать как можно меньше, такой маленькой, чтобы ничего не слышать и даже не существовать.

Она еще никогда не слышала слова «изнасилование», но после этой ночи отлично знала, что это такое.

— Эдди, ты такая молчаливая.

Фиби медленными плавными движениями расчесывала длинные волосы дочери, ниспадавшие ей до самой талии. Абду презирал это прозвище и терпел более официальное имя Адрианна только потому, что в жилах его первого ребенка текла смешанная кровь. Тем не менее мусульманская гордость заставила его распорядиться, чтобы его дочери дали настоящее арабское имя. Поэтому во всех официальных документах «Адрианна» было записано как Ад Рияд Ан. Далее следовала уйма имен семьи Абду. Фиби повторила ласковое прозвище и спросила:

— Тебе не нравятся твои подарки?

— Они мне очень нравятся.

На Адрианне было ее новое платье, но оно ее уже не радовало. В зеркале она видела лицо матери рядом со своим собственным. Фиби тщательно замаскировала кровоподтек макияжем, но Адрианна его все равно видела.

— Ты сегодня очень красивая. — Фиби развернула дочь к себе и обняла девочку. В другой день Адрианна, возможно, и не обратила бы внимания на то, как крепко она ее к себе прижимает, не услышала бы в голосе матери ноток отчаяния. — Моя родная маленькая принцесса. Я так тебя люблю, Эдди. Больше всего на свете.

От нее пахло теплыми ароматными цветами, как в саду. Адрианна вдохнула запах матери и прижалась лицом к ее грудям. Она поцеловала их, вспомнив, как жестоко обращался с ними прошлой ночью ее отец.

— Ты не уедешь? Ты меня не бросишь?

— Как тебе такое могло прийти в голову? — Фиби со смехом отстранила ее от себя, чтобы посмотреть ей в лицо. Когда она увидела слезы, ее смех оборвался. — О, моя малышка, что все это означает?

Адрианна уронила голову на плечо Фиби, чувствуя себя глубоко несчастной.

— Мне приснилось, что он тебя прогнал. Ты уехала, и я больше никогда тебя не видела.

Ладонь Фиби замерла, затем снова начала гладить ее по волосам.

— Малышка, это был просто сон. Я никогда тебя не оставлю.

Адрианна забралась к матери на колени и позволила ей себя покачивать и успокаивать. Сквозь кружевную резьбу ставен в комнату проникали косые лучи солнца, расчерчивая ковер причудливыми узорами.

— Если бы я была мальчиком, он бы нас любил.

Гнев поднялся в ее душе так стремительно, что Фиби ощутила его вкус даже во рту. Почти тут же он сменился отчаянием. Все же она была актрисой. По крайней мере она могла прибегнуть к своему таланту для защиты своего ребенка.

— Что за глупости, да еще в день рождения. Маленький мальчик — это совсем не интересно. На него даже не наденешь красивое платье.

Услышав это, Адрианна захихикала и еще теснее прижалась к матери.

— Если я надену платье на Фахида, он будет похож на куклу.

Фиби сжала губы и попыталась не обращать внимания на пронзившую ее боль. Сын второй жены Абду родился после того, как она потерпела неудачу. «Какую еще неудачу», — тут же одернула она сама себя. Она начинала думать, как мусульманская женщина. Как можно было назвать неудачей изумительного ребенка у нее на руках.

Ты не дала мне ничего. Девочку. Это хуже, чем ничего.

«Это все, — яростно возразила ему про себя Фиби. — Я дала тебе все».

— Мама?

— Я задумалась. — Фиби улыбнулась, опуская Адрианну на пол. — Я думала о том, что тебе нужен еще один подарок. Тайный.

— Это секрет?

Адрианна захлопала в ладоши, забыв о слезах.

— Сядь и закрой глаза.

Адрианна с готовностью повиновалась, ерзая на стуле в тщетных попытках набраться терпения. Фиби прятала среди своей одежды маленький стеклянный шар. Везти его в страну было совсем нелегко, но она научилась проявлять изобретательность. Привезти таблетки тоже было трудно. Маленькие розовые таблетки, позволявшие ей проживать каждый день. Они притупляли боль, и на сердце становилось легче. Они были лучшими друзьями женщины. Видит Бог, в этой стране женщине были необходимы все друзья, которых ей только удалось завести. Если бы таблетки нашли, ей бы грозила публичная казнь. Без них ей вряд ли удалось бы здесь выжить.

Замкнутый круг. Единственным, ради чего она жила, была Адрианна.

— Держи. — Адрианна опустила на колени возле стула. Шею девочки окружало ожерелье из сапфиров. Такие же сережки-гвоздики блестяли у нее в ушах. Фиби думала, надеялась, что маленький

подарок, который она протягивала Адрианне, станет для нее важнее украшений. — Открывай глаза.

Это была совсем простая вещица. До смешного простая. В Штатах во время праздников ее можно было купить в тысячах магазинов всего за несколько долларов. Глаза Адрианны широко раскрылись, как если бы она держала в руках настоящее волшебство.

— Это снег. — Фиби еще раз перевернула шар, взметнув белые хлопья. — В Америке зимой идет снег. Во всяком случае, в большинстве мест. На Рождество мы украшаем деревья — вот точно такие же, как здесь, — красивыми фонариками и разноцветными шарами. Эти деревья называются сосны. Однажды я ехала со своим дедушкой вот на таких же санях. — Прижавшись щекой к волосам Адрианны, она смотрела на запряженную в сани миниатюрную лошадку внутри стеклянного шара. — Когда-нибудь, Эдди, я тебя туда повезу.

— Это больно?

— Снег?

Фиби снова засмеялась и встряхнула шар. Сцена снова ожила, и снег закружился вокруг наряженной елки и маленького человечка в красных санях позади аккуратной коричневой лошадки. Это была иллюзия. У нее ничего не осталось, кроме иллюзий и маленького ребенка, которого она должна была защитить.

— Нет, он холодный и мокрый. Из него можно лепить. Снеговиков, снежки, крепости. Деревья в снегу очень красивые. Видишь? Со всем как здесь.

Адрианна тоже наклонила шар. Маленькая коричневая лошадка замерла, приподняв переднюю ногу, а вокруг ее головы плясали крошечные белые хлопья.

— Это красиво. Красивее моего нового платья. Я хочу показать его Дудже.

— Нет. — Фиби знала, что произойдет, если о шаре узнает Абду. Это был символ христианского праздника. После рождения Адрианны он стал религиозным фанатиком, помешанным на традициях. — Не забывай, что это наша тайна. Ты можешь смотреть на шар, когда мы одни. Но никогда и ни за что не доставай его при других людях. — Она забрала у девочки шар и спрятала его в ящик. — А сейчас пора праздновать.

В гареме было жарко, хотя всю работу выполняли вентиляторы, а узорчатые решетки на окнах защищали дворец от палящего солнца. Свет от затененных абажурами изящных ламп был рассеянным и мягким. Женщины были одеты в самые лучшие яркие платья. Оставив свои

черные накидки и никабы у дверей, они в мгновение ока превратились из черных ворон в сверкающих павлинов.

Вместе с никабами женщины сбросили и молчание и принялись болтать о детях, сексе, моде и зачатии. В считанные секунды гарем с его затененными лампами и роскошными подушками наполнился тяжелым запахом женских тел и благовоний.

В силу своего высокого положения Адрианна приветствовала гостей, целуя их в обе щеки, после чего им подавали зеленый чай и приправленный специями кофе в крохотных чашках из тончайшего фарфора без ручек. Тут были ее тетки и двоюродные сестры, а также пара десятков принцесс рангом пониже, которые, так же как и остальные женщины, горделиво красовались своими драгоценностями и младенцами, двумя главными символами успеха в их мире.

Адрианне они казались очень красивыми, и она любовалась их длинными шуршащими платьями, переливающимися множеством цветов. Из-за ее спины Фиби наблюдала за парадом костюмов, как будто позаимствованных из восемнадцатого столетия. Бросаемые в ее сторону сочувственные взгляды она принимала с таким же стоическим выражением, как и злорадные. Она отдавала себе отчет в том, что она здесь чужая, западная женщина, которая не сумела подарить королю наследника. Она постоянно напоминала себе о том, что это совершенно неважно, принимают они ее или нет, коль скоро они добры к Адрианне.

И тут ей было не в чем их упрекнуть. В отличие от нее Адрианна была во всех отношениях одной из них.

Они жадно набросились на буфет, пользуясь пальцами так же часто, как она пользовалась маленькими серебряными ложечками. Если они, растолстев, переставали влазить в свои платья, им покупали новые. Фиби думала о том, что вылазки в магазины позволяют арабским женщинам убивать время так же, как ей это позволяла делать маленькая розовая таблетка. Эти смехотворные платья не мог увидеть никто из мужчин, за исключением их мужей, отцов и братьев. Покидая гарем, они закутывались снова, скрывая свои лица и волосы. За его стенами необходимо было помнить о существовании *аурата* — того, что никому показывать нельзя.

Не надоедает же им играть в эти игры, — устало размышляла Фиби. Со всей этой хной, духами и сверканием колец. Неужели они и в самом деле считают себя счастливыми? Ведь даже она, которой уже давно ни до чего нет дела, отчетливо видит на их лицах скуку. Она молила Бога о том, чтобы никогда не увидеть ее на лице Адрианны.

Даже в своем юном пятилетнем возрасте Адрианна считала, что обязана позаботиться о том, чтобы всем ее гостям было удобно и чтобы они не скучали. Теперь она говорила по-арабски. Язык мягко и музыкально струился из ее уст.

Адрианна так и не решилась признаться матери в том, что говорить по-арабски ей гораздо проще, чем по-английски. Она думала по-арабски и даже чувствовала по-арабски. Как мысли, так и чувства ей вначале приходилось переводить на английский, чтобы затем донести их до матери.

Она была счастлива в этой комнате, заполненной женскими головами и женскими духами. Тот мир, о котором ей изредка рассказывала мать, был для нее не более чем сказкой. Снег был чем-то, танцующим внутри маленького стеклянного шара.

— Дуджа!

Адрианна промчалась через всю комнату, чтобы поцеловать свою любимую кузину. Дудже было почти десять лет, что, к зависти и восхищению Адрианны, делало ее почти женщиной.

Дуджа обняла ее в ответ.

— Какое у тебя красивое платье.

— Я знаю.

Но Адрианна не удержалась от того, чтобы не провести ладонью по рукаву платья кузины.

— Это бархат, — с важным видом пояснила Дуджа. То, что тяжелая ткань была невыносимо жаркой, было сущим пустяком по сравнению с отражением, которое она увидела в своем зеркале. — Отец купил его для меня в Париже. — Она повернулась вокруг своей оси — стройная смуглая и черноволосая девочка с изящными чертами лица и большими глазами. — Он пообещал взять меня с собой, когда поедет туда в следующий раз.

— Правда? — Адрианна подавила вспышку зависти. Ни для кого не было секретом, что Дуджа — любимица своего отца, брата короля. — Моя мама там была.

Потому, что у нее было доброе сердце, а еще потому, что она была очень довольна своим бархатным платьем, Дуджа погладила Адрианну по волосам.

— Ты тоже туда когда-нибудь поедешь. Может быть, когда мы вырастем, мы поедем вместе.

Адрианна почувствовала, что кто-то дергает ее за подол платья. Опустив глаза, она увидела своего сводного брата, Фахида. Она под-

ОБ АВТОРЕ

Нора Робертс стала первым автором, которого ввели в Американский Зал славы писателей любовных романов. Автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс», написавшая такие романы, как «Женская месть» и «Божественное зло», она стала одной из самых успешных и популярных в Америке писательниц. Нора Робертс живет с семьей в Мэриленде.

Літературно-художнє видання

РОБЕРТС Нора
Жіноча помста

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Евлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 20.09.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «HeliosCond». Ум. друк. арк. 21. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р.
www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

Литературно-художественное издание

РОБЕРТС Нора
Женская месьть

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 20.09.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «HeliosCond». Усл. печ. л. 21. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а, E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г.
www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Принцесса Адрианна — дочь короля одной из стран Ближнего Востока. Ее мать — американская кинозвезда Фиби Спринг — оставила блестящую карьеру, став супругой короля Абду, плененного ее красотой. Однако вместо долгожданного сына Фиби родила ему дочь... Тогда он взял вторую жену, вскоре родившую ему наследника, а жизнь Фиби превратилась в ад. Однажды Фиби с восьмилетней Адрианной удалось бежать. Принцесса вырастет и отомстит отцу...

Робертс Н.

Р58 Женская месть : роман / Нора Робертс, пер. с англ. Е. Боровой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 400 с.

ISBN 978-617-12-4100-8

ISBN 978-0-553-38641-7 (англ.)

Принцеса Адрианна — донька короля однієї з країн Близького Сходу. Її мати — американська кінозірка Фібі Спрінг — покинула блискучу кар'єру, одружившись із королем Абду, зачарованим її красою. Однак замість довгоочікуваного сина Фібі народила йому доньку... Тоді він узяв другу дружину, яка незабаром народила йому спадкоємця, а життя Фібі перетворилося на пекло. Одного разу Фібі з восьмирічною Адрианною вдалося втекти. Принцеса виросте й помститься батькові...

**УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)**